

УДК 94:342.4(47+57):342.4(476):342.722.1-055.1/.3

Закрепление принципа гендерного равенства в советских конституциях

И.В. НЕМКЕВИЧ

Начало имплементации принципа гендерного равенства в советский конституционный процесс было положено в 1918 г. принятием Конституции РСФСР. Закрепление гендерного равноправия в конституциях Советской Беларуси и других советских республик осуществлялось путем рецепции норм первоначально российской Конституции 1918 г., а затем союзных советских конституций. В статье сделан вывод о целесообразности использования советского опыта конституционного гарантирования равенства прав женщины и мужчины в ходе модернизации действующей Конституции Республики Беларусь.

Ключевые слова: гендерное равенство, права женщин, конституционный процесс, Конституция РСФСР, Конституция СССР, Конституция БССР, Конституция Республики Беларусь, конституционные гарантии.

The implementation of the principle of gender equality in the Soviet constitutional process is considered. The beginning of the implementation of the principle of gender equality in the Soviet constitutional process was laid in 1918 by the adoption of the Constitution of the RSFSR. The consolidation of gender equality in the constitutions of the Soviet Belarus and other Soviet republics was carried out through the reception of the norms of the original Russian Constitution of 1918, and then the union Soviet constitutions. The author makes a conclusion on the expediency of using the Soviet experience of constitutional guaranteeing the equality of the rights of women and men during the modernization of the current Constitution of the Republic of Belarus.

Keywords: gender equality, women's rights, constitutional process, Constitution of the RSFSR, Constitution of the USSR, Constitution of the BSSR, Constitution of the Republic of Belarus, constitutional guarantees.

Введение. Конституция суверенной Республики Беларусь является сегодня одной из самых долго используемых в конституционной истории белорусского государства. Призывы к модернизации основного закона уже стали частью общественно-политической повестки дня, что, разумеется, чрезвычайно актуализирует научное осмысление особенностей, достижений и проблем отечественного конституционного процесса. Принятые же Республикой Беларусь международные обязательства, вытекающие из Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин и Факультативного протокола к ней, из Пекинской декларации и Пекинской платформы действий [1, с. 4], диктуют очевидную необходимость включения гендерного измерения в таковое осмысление.

Основная часть. Революционно-демократические преобразования 1917 г., проходившие при активном участии женщин, создали условия для кардинального изменения фактического и юридического статусов женщины в обществе. Еще до прихода к власти большевиков женщины обрели право участвовать в голосовании на выборах наравне с мужчинами: летом 1917 г. в Беларуси прошли выборы в местные органы власти в соответствии с постановлениями Временного правительства «О производстве выборов гласных городских дум» и «О выборе волостных земских гласных». Советская власть, утвердившаяся в Беларуси осенью того же года, в своих первых декретах освободила женщин от существовавших прежде ограничений их юридического статуса. Женщины получили право свободно избирать профессию, место жительства, получать образование, расторгать брак, а также право на равную оплату за равный с мужчинами труд. Попытка национально-государственного самоопределения в 1918 г. также отражала процесс революционной эмансипации белорусских женщин: Вторая Уставная грамота БНР (9 марта 1918 г.) конституировала всеобщее и равное избирательное право независимо от половой, национальной и религиозной принадлежности граждан. Заметим, что пост Народного секретаря опеки в составе первого правительства Белорусской Народной Республики был доверен известной участнице белорусского движения П. Бодуновой. Но на конституционный уровень своего закрепления политическое равнопра-

вие женщин и мужчин переходит только с принятием 10 июля 1918 г. первой конституции советской государственности – Конституции РСФСР, действие которой распространялось на советскую часть Беларуси.

Первая советская Конституция принципиально не гарантировала равенства всех граждан, хотя ее ст. 22 и говорила о признании равных прав за гражданами независимо от их расовой и национальной принадлежности. «Руководствуясь интересами рабочего класса в целом», она предоставляла комплекс предусмотренных в ней прав и свобод только тем из граждан, которые относились к категории «трудящихся» и «трудящихся масс», и лишала этих прав «отдельных лиц и отдельные группы» (ст. 23). Мужчины и женщины не выделяются терминологически в качестве субъектов прав и свобод. Отсутствует и прямое указание на принцип равенства женщин и мужчин: подразумевалось их равенство в качестве «трудящихся». И именно в таком качестве женщина получала равные с мужчиной политические права, включая право избирать и быть избранной в Советы. В ст. 64 было особо подчеркнуто, что активным и пассивным правом пользуются «обоюбого пола граждане». Данная норма явилась первым в истории советского конституционного процесса конкретным шагом по имплементации принципа гендерного равенства. Даже столь ограниченное и частичное его воплощение в Конституции РСФСР 1918 г. вводило советское государство в число первых стран мира, предоставивших женщинам право избирать и быть избранными в представительные органы власти. Ведь до 1917 г. женщины имели избирательные права только в шести странах: Австралии, Дании, Исландии, Новой Зеландии, Норвегии и Финляндии. Отметим, что в Конституцию США соответствующая поправка была внесена через год – в июне 1919 г. (ратифицирована в августе 1920 г.). В Германии избирательное право было впервые предоставлено женщинам в январе 1919 г. и закреплено нормой Веймарской конституции. А в Англии избирательные права женщинам были предоставлены лишь в 1928 г., во Франции и в Италии – уже после Второй мировой войны.

Конституция РСФСР 1918 г., соединив политические права с обязанностью трудиться, признавала труд обязанностью всех граждан обоюбого пола. Статья 18 Конституции провозглашала лозунг: «Не трудящийся да не ест!». При этом она не содержала норм, уточнявших вопрос о совместимости этой обязанности с функциями материнства и бременем домашнего труда женщин. Формально-юридическое изменение их статуса не устраняло двойной и более нагрузки «равноправных» гражданок, ответственных и за воспитание детей, и за быт семьи. Стараясь хотя бы частично компенсировать эту гендерную асимметрию, советское государство включало льготы для работающих женщин в трудовое законодательство и законодательство о социальном обеспечении.

Формулировку первой Конституции РСФСР об активном и пассивном избирательном праве граждан «обоюбого пола» «дисциплинированно» воспроизвели конституции других советских республик. Первой из них, принявшей в октябре 1918 г. собственный основной закон на основе Конституции РСФСР, была Туркестанская (Автономная) Советская Республика. Статья 33 Конституции ТАСР наделяла избирательными правами «обоюбого пола граждан» РСФСР, «проживающих в Туркестанской Республике» [2, с. 28]. Реципировали данную норму Конституция Дагестанской Автономной ССР 1921 г. (ст. 75) и Конституция Крымской Автономной ССР 1922 г. (ст. 29), а также конституции первых формально независимых от РСФСР национальных советских республик: Конституция советской Латвии 1919 г. (ст. 16), Конституция Украинской ССР 1919 г. (ст. 20), Конституция Азербайджанской ССР 1921 г. (ст. 79), Конституция Армянской ССР 1922 г. (ст. 70) и Конституция Грузинской ССР 1922 г. (ст. 119). Отход от дословного воспроизведения формулировки ст. 64 Конституции РСФСР имел место при этом лишь в случае республик Средней Азии (Хорезмской и Бухарской), провозглашенных большевиками в форме «народных» советских республик. Так, ст. 16 Конституции Хорезмской Народной Советской Республики (апрель 1920 г.) гласила: «Правом избирать и быть избранными в Курултай Народных Представителей и в местные Советы пользуется в республике каждый человек, достигший 18 лет, так как признаются равноправными все люди без различия религии, национальности, племенной принадлежности и пола»

[2, с. 97]. Аналогично регулировала вопрос об избирательных правах женщин и ст. 57 Конституции Бухарской Народной Советской Республики (сентябрь 1921 г.): «Правом избирать депутатов и быть избранным пользуются все без исключения граждане БНСР обоего пола, достигшие ко дню выборов 20-летнего возраста» [2, с. 119]. Имплементируя принцип гендерного равенства, данная Конституция, в отличие от Конституции РСФСР, в ст. 12 прямо провозглашала принцип равноправия граждан «независимо от их принадлежности к тому или иному полу, расе, национальности, религии или общественному положению» [2, с. 116]. А обновленная Конституция Хорезмской Народной Советской Республики (1922 г.) включила новую конкретную норму в закрепление данного принципа. «Все граждане без исключения, без различия пола и национальности, – говорилось в ст. 19, – имеют возможность быть принятыми во все как низшие, так и высшие и средние учебные заведения республики для обучения за счет правительства» [2, с. 106].

Первое конституционное закрепление равенства избирательных прав женщин и мужчин в советской Беларуси отмечено своеобразием. Принятая в феврале 1919 г. первая белорусская Конституция по своей структуре и по содержанию была сильно урезанным вариантом Конституции РСФСР 1918 г. Организаторы «игры в независимые республики» (И.В. Сталин) не планировали сохранять недавно провозглашенную ССРБ. Поэтому они считали целесообразным оставить в структуре основного закона очередной «буферной» республики лишь те разделы, которые были необходимы для формального ее юридического оформления. Под «сокращение» попали десять глав Конституции РСФСР, включая и ту из них, в которой закреплялось равенство избирательных прав женщин и мужчин. Данная норма была включена в проект Конституции ЛитБел – следующего эпизода рассчитанной на экспорт революции политики национально-государственного «самоопределения» народов по-советски, которую проводили кремлевские руководители. Статья LX проекта «Конституции Социалистической Советской Республики Литвы и Белоруссии» воспроизводила норму ст. 64 российской Конституции 1918 г. в следующей редакции: «Правом избирать и быть избранным в Советы пользуются независимо от вероисповедания, национальности, оседлости, пола и гражданства все жители Литовско-Белорусской Республики, коим ко дню выборов исполнилось 18 лет...» [3, с. 313]. Однако летом 1919 г. ЛитБел фактически прекратила свое существование, так и не успев обзавестись собственным основным законом.

Летом 1920 г. в занятом Красной Армией Минске была принята «Декларация о провозглашении независимости Советской Социалистической Республики Белоруссии». В этом конституционном акте появляется норма, декларировавшая довольно неожиданный параметр гендерного равноправия – все граждане (без различия пола) получали право пользования землей. Повторное создание белорусской советской республики в 1920 г. «реанимировало» и Конституцию ССРБ 1919 г. Вопиющие пробелы в ее системе II съезд Советов БССР попытался компенсировать в принятых им «Дополнениях к Конституции ССР Белоруссии» неуклюжей отсылкой к российскому законодательству («...по всем остальным вопросам советского строительства в ССРБ съезд постановляет руководствоваться Конституцией и постановлениями VII Всероссийского съезда Советов») [4, с. 203].

Рассмотренные обстоятельства позволяют констатировать курьезный факт: в течение первого «послеоктябрьского» десятилетия советские выборы в Беларуси проходили в отсутствие закрепленных в основном законе республики норм о принципах и порядке их проведения. А норма, конституировавшая в других советских республиках политическое равноправие женщин и мужчин, была включена в конституцию советской Беларуси только с принятием нового основного закона – Конституции БССР 1927 г. Вторая белорусская конституция, юридически оформляя новый статус белорусского государства – статус союзной республики СССР, восполнила пробелы первой советской Конституции 1919 г. Статьи 70 и 71 Конституции БССР 1927 г. с небольшими редакционными изменениями «переводили» на белорусский язык текст «Главы тринадцатой» Конституции РСФСР 1918 г., включавшей норму ст. 64 о равных избирательных правах для граждан «обоих полов» [4, с. 245].

В середине 30-х гг. прошлого века в СССР были сделаны выводы о построении основ социализма и об окончательном разрешении проблемы равноправия женщин и мужчин. Принятая в 1936 г. Конституция СССР впервые прямо закрепила принцип гендерного равенства во всем его объеме, распространив его на все сферы общественных отношений. Статья 122 «Конституции победившего социализма» указывала на видовое разнообразие прав, в которых женщина уравнивалась с мужчиной: «Женщине в СССР предоставляются равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной культурной и общественно-политической жизни». Нормы этой статьи дословно воспроизводила ст. 97 очередного белорусского основного закона – Конституции БССР 1937 г., заменив слова «женщине в СССР» на слова «женщине в БССР» [4, с. 256]. Данная конституционная новелла сочеталась с подтверждением нормы первых советских конституций о равенстве избирательных прав женщин и мужчин. Статья 135 Конституции СССР 1936 г. говорила о праве всех граждан участвовать в выборах независимо от пола, а ст. 137 – о том, что женщины пользуются правом избирать и быть избранными наравне с мужчинами. Конституция БССР 1937 г. дословно воспроизвела формулировки союзного основного закона в ст. 110 и 112 соответственно.

Разумеется, закрепление на конституционном уровне понимания того, что женщина должна быть равной мужчине не только в праве избирать и быть избранной в Советы, но и во всех других областях государственной и общественной жизни было важным шагом вперед. Заметим, однако, что формулировка указанной нормы выравнивает статус женщины по статусу мужчины, «подтягивая» первый ко второму, а не реализует главную гендерную идею равенства полов. Качественно новым аспектом конституционного закрепления принципа гендерного равенства было дополнение комментируемой нормы перечнем конкретных средств достижения такого равенства. Вводя конструкцию «равных прав – равных возможностей», ст. 122 Конституции СССР (и ст. 97 Конституции БССР) конкретизировала второй своей частью: «Возможность осуществления этих прав обеспечивается предоставлением женщине равного с мужчиной права на труд, оплату труда, отдых, социальное страхование и образование, государственной охраной интересов матери и ребенка, государственной помощью многодетным и одиноким матерям, предоставлением женщине при беременности отпусков с сохранением содержания, широкой сетью родильных домов, детских яслей и садов». Провозглашение государственной охраны интересов матери и государственной помощи матерям одновременно означало воспроизведение традиционных патриархатных представлений общества в отношении гендерных ролей. Конституционная норма исходила из модели семьи старого уклада, в которой женщина – это мать, а отец – работник. Идеология советского равенства не предусматривала роли отца. В Конституции ни слова не говорилось об охране интересов отцов как равноправных членов семьи. На конституционном уровне, следовательно, получал отражение новый элемент гендерного правового диспаритета.

Положительно оценивая вклад конституций 30-х гг. в процесс конституционного закрепления прав советских женщин, следует подчеркнуть, что «охраняемые» права и льготы от государства не были достаточными и не могли обеспечить реального равноправия полов. Лозунг «Кто не работает, тот не ест» по-прежнему оставался конституционным принципом, а труд – «обязанностью и делом чести» советских граждан и гражданок (ст. 12 Конституции СССР 1936 г. и Конституции БССР 1937 г.). Уравнивание в гражданских, политических, социально-экономических и культурных правах не отменяло необходимости совмещения роли матери, домохозяйки и – для большинства советских женщин – труженицы социалистического производства. Кроме того, нельзя не сказать о том, что изменения в гендерных отношениях в 30–40-х гг. не ограничивались конституционным их отражением. Практически одновременно с «Конституцией победившего социализма» 27 июня 1936 г. было принято Постановление ЦИК и СНК СССР «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и некоторых изменениях в законодательстве об абортах». Нуждавшееся в решении резко обострившейся демографической проблемы государство отказывалось от марксистских иллюзий о «свободной любви» и «свободной семье» и брало последнюю под свою

опеку «как ячейку общества». Постановление фактически лишала советских женщин права распоряжаться своими жизнью и телом и превращало деторождение в социальную обязанность. Введенное Постановлением уголовное преследование за аборт калечило судьбы женщин почти 20 лет. В 1944 г. был принят Указ Верховного Совета СССР, согласно которому только зарегистрированный брак порождал права и обязанности супругов. Указ устанавливал неравенство женщины в том случае, если она решалась на внебрачную связь и свободную любовь. Свободные фактические браки приравнивались к внебрачным связям. Запрещалось добровольное установление отцовства в незарегистрированных брачных союзах, вся тяжесть последствий ложилась на женщину. Развод стал считаться признаком «моральной неустойчивости» и мог повлечь неприятные последствия для карьеры. Таким образом, государство вменяло женщине функции нравственной опоры семьи и хранительницы домашнего очага. Поскольку в большинстве советских семей зарплаты мужа было недостаточно для обеспечения прожиточного минимума, женщина была вынуждена еще и материально поддерживать семью своей зарплатой, а также получаемой от «заботливого» социалистического государства помощью.

Советский конституционный процесс не мог не реагировать на очевидные региональные различия в практической реализации политики «раскрепощения» женщины-труженицы. Уголовно-правовая защита женского равноправия, предусмотренная уголовными кодексами семи союзных и некоторых автономных республик, в ряде случаев усиливалась конституционным закреплением нормы об ответственности за действия, нарушавшие права женщин. Например, ст. 93 Конституции Киргизской ССР 1937 г. предупреждала о том, что сопротивление фактическому раскрепощению женщин карается законом, а также уточняла перечень соответствующих деяний: выдача замуж малолетних, калым, организация сопротивления вовлечению женщин в учебу, сельскохозяйственное и промышленное производство, в государственное управление и общественно-политическую жизнь.

После смерти И.В. Сталина в сфере регулирования гендерных отношений наступает определенная либерализация. Проведенная в 1954 г. реформа образования восстановила смешанное обучение в школах. В 1955 г. был вновь легализован аборт, в 1965 г. – значительно облегчена процедура разводов. Осознавая необходимость совмещения материнства с трудовой деятельностью, государство на законодательном уровне закрепляет ряд льгот, облегчавших положение работавшей женщины.

Наиболее полное свое конституционное закрепление советская модель гендерного равноправия получила в конституциях второй половины 70-х гг. 7 октября 1977 г. была принята союзная Конституция, в преамбуле которой говорилось о построении в СССР уже развитого социалистического общества. В соответствии с новой Конституцией СССР в октябре 1978 г. была принята и четвертая советская конституция Беларуси – Конституция (Основной Закон) БССР. Статья 35 союзной Конституции уже не выравнивала статус женщины по статусу мужчины, предоставляя ей равные с мужчиной права, а заявляла равенство обоих статусов: «Женщина и мужчина в СССР имеют равные права». Новеллой этой Конституции была изложенная в ней юридическая конструкция, закреплявшая равенство возможностей женщины и мужчины, определявшая их равенство не только в правах, но и равенство в возможностях. Осуществление прав женщины и мужчины, говорилось во второй части ст. 35, обеспечивается предоставлением женщинам равных с мужчинами возможностей в получении образования и профессиональной подготовки, в труде, вознаграждении за него и продвижении по работе, в общественно-политической и культурной деятельности, а также специальными мерами по охране труда и здоровья женщин и созданием условий, позволяющих женщинам сочетать труд с материнством. Подчеркивалась необходимость правовой защитой, материальной и моральной поддержкой материнства и детства, включая предоставление оплачиваемых отпусков и других льгот беременным женщинам и матерям, постепенное сокращение рабочего времени женщин, имеющих малолетних детей. Белорусский Основной Закон дословно воспроизводил текст данной статьи в своей ст. 33. Изложенные в них гарантии в то время были, пожалуй, наиболее объемной формулировкой гарантий равноправия женщины и мужчины из включавшихся когда-либо в конституции мира.

Конституция СССР 1977 г. впервые на конституционном уровне затрагивала институт семьи и брака. Статья 53 (ее текст повторяет ст. 51 Конституции БССР 1978г.) объявляла, что семья находится под защитой государства, и конкретизировала формы и виды заботы государства о семье. Если в гарантиях ст. 35 были названы меры поддержки материнства и детства, направленные на достижение фактического равенства женщины и мужчины, в ст. 53 сказано о полном равноправии супругов в семейных отношениях.

Заключение. К числу безусловных достижений советского опыта реализации социалистической идеи можно отнести отмену законов, которые ограничивали правовой статус женщины, законодательное закрепление равных прав женщины и мужчины, придание проблеме эмансипации женщин международного политического звучания. С созданием советского государства равноправие полов было закреплено на конституционном уровне.

Закрепление гендерного равноправия в конституциях советской Беларуси осуществлялось путем рецепции соответствующих норм первоначально российской Конституции 1918 г., а затем союзных советских конституций. При этом норма, уравнивавшая избирательные права граждан «обоих полов», была включена в систему основного закона советской Беларуси со значительным (в сравнении с конституциями других советских республик) опозданием. Конституции ССР, БССР и других республик Советского Союза, принятые в 30-х годах, уже прямо закрепляли принцип гендерного равенства, а также дополняли соответствующую конституционную норму перечнем конкретных средств достижения такого равенства. Анализ содержания этих конституционных гарантий позволяет говорить об усеченном – отраслевом понимании гендерного равенства в 1936–1977 гг.: они сводились к защите прав и интересов женщины в трудовых отношениях и сфере социального обеспечения. Советские конституции второй половины 70-х гг. использовали уже универсально-гарантный способ закрепления принципа равенства прав и свобод женщин и мужчин.

Включение в основной закон норм-гарантий представляется положительным конституционным опытом закрепления не только формального равенства в правах, но также и фактического его достижения. Опыт конституционного гарантирования целесообразно использовать и для совершенствования действующей Конституции Республики Беларусь. Внимания аналитиков и законодателей заслуживают как достижения и проблемы отечественного конституционного процесса, так и конституции тех государств, в которых реализуется расширительный подход к гарантированию равного статуса гендерных групп (например, Венгрии, Германии, Польши, Швеции). Конституционное закрепление данного принципа должно, на наш взгляд, включать нормы, гарантирующие существование эффективно работающего механизма достижения реального гендерного равноправия.

Литература

1. Рекомендации по интеграции гендерного измерения в юридические исследования / Л.А. Краснобаева [и др.] ; под общ. ред. Т.В. Лисовской. – Минск : Юнипак, 2018. – 44 с.
2. Советские конституции. Хрестоматия: в 4-х ч. / Сост. Д.В. Кузнецов. – Благовещенск : Благовещенский государственный педагогический университет, 2015. – Ч. 1. Первые советские республики, 1918–1922 гг. – 156 с.
3. Чудаков, М.Ф. Конституционный процесс в Беларуси (1447–1996 гг.) / М.Ф. Чудаков. – Минск : Ред. изд. центр Акад. управ. при Президенте Республики Беларусь, 2004. – 327 с.
4. Васілевіч, Р.А. Гісторыя канстытуцыйнага права Беларусі / Р.А. Васілевіч, Т.І. Доўнар, І.А. Юхо. – Мінск : ВТАА «Права і эканоміка», 2001. – 363 с.